

Саркисов К.О., к.и.н., ведущий научный сотрудник ЦЯИ ИВ РАН. "Консервативная революция" (КР) и консерватизм как идеология и курс в Японии (тезисы) .

"Консервативная революция"- слова в японской печати появились и ту же исчезли в апреле 1920 года. В короткой заметке о ситуации в Германии говорилось о бегстве в Швецию главного зачинщика провалившегося путча против правительства Эберта в Берлине "доктор Вольфганг Каппа" из партии прусских юнкеров, главного идеолога "революции".¹

После войны в Европе и США понятие "консервативной революции" вошло в употребление в 50-е гг. в совершенно другом контексте. Консерваторы (тори) в Англии после тяжелого поражения на выборах 1945 г. стали поговаривать о необходимости "революции в консервативном мышлении" (a revolution in Conservative thinking).

У японского консервативного лагеря после войны были другие задачи. Им противостояла не "либеральная" оппозиция, а левый и достаточно радикальный лагерь, из которого лишь на время выделилось социал-демократическое правое крыло, схожее с английскими лейбористами, и их представитель (Катаяма Тэцу) даже возглавил на один год (1947-1948 гг.) японское правительство. Резкое полевение СПЯ (первая партия по числу мест по итогам парламентских выборов в апреле 1947 г.) заставило консерваторов мобилизоваться, чтобы не допустить леваков к власти.

Для этого потребовалось их объединение. Структурно делившиеся на две части - "либеральную" и "демократическую" партии (обломки старого политического дуэта - Сэйюкай и Минсэйто) они могли бы обеспечить классическую динамику противодействия двух сил - консервативной и либеральной. Но это было бы непозволительной роскошью при наличии сильного левого лагеря, пользовавшегося значительной поддержкой общества, особенно в годы послевоенной разрухи и болезненных реформ.

В объединенной партии растворились оба начала - консервативное и либеральное. Не случайно и название новой консервативной партии - "либерально-демократическая". Это же во многом объясняет ее нахождение во власти в течение всего послевоенного периода вплоть до сегодняшнего дня с небольшими перерывами.

Избежать застоя, неизбежного в условиях отсутствия конкуренции в объединенной консервативной партии до последнего времени помогала ее внутренняя структура - фракционность. Конкуренция между фракциями была скорее технической - объединение или расхождение с другими фракциями по политической повестке дня в обмен на места в партии и правительстве.

Идеологическая размытость связана с тем, что политические ярлыки в Японии достаточно условны. В частности, понятие "японский консерватизм" не укладывается в рамки классического определения его как "антитезы" *реформизму, либерализму, модернизму* и, наконец, *утопизму* в лице левых социалистическим и коммунистическим течений.²

1. Консерватизм Мэйдзи, Тайсё и Сёва (до войны)

Связано это с историей возникновения в Японии политических партий. В Японии не было европейского 18 века, английской революции конца 17 века, Великой французской революции с ожесточенной борьбой между партиями и их политической идеологией. После антифеодальной революции 1867 г. первые политические группы формировались феодальными кланами, возглавившими эту революцию (Сацума, Тёсю, Тоса и Хидзэн). Они сформировали ядро высшей гражданской и военной бюрократии. У

¹ Ёмиури 2 апреля 1920 г. ; Асахи, 27 апреля 1920 г.

² <https://www.commentarymagazine.com/articles/eisenhower-and-the-conservative-revolutionthe-dream-that-is-not-t-be/>

них было собственные идейные предпочтения, но их главной "идеологией" была концепция государственности (кокутай).

Нельзя сказать, что становление этой системы не встретило никакого противодействия. Ей была брошена перчатка со стороны политической силы, которую можно было определить как "либеральную". Она родилась на волне массового Движения за народные права, выступавшего за учреждение парламента и за ограничение роли императора чисто символическими функциями, как это было в Британской империи. Но сторонники британской версии государственного устройства (Окума Сигэнобу и др.) потерпели поражение ("события 1881 г."). Победили приверженцы прусской модели абсолютной монархии (Ито Хиробуми, Иноуэ Каору и др.).

Но победа "консерватизма" над "либерализмом" не была полной и безоговорочной. Окума в 1882 г. создал Конституционную партию реформ (Риккэн кайсинто). Ее идеология - в постепенном характере политических реформ, что предлагало "основному" консервативному течению компромисс.

В том же году для знакомства с конституциями европейских стран через США Ито отправился в Европу. Позже он вспоминал о своих встречах и беседах с Бисмарком, которого он ставил выше всех из европейских деятелей.³ *"Он оказался под чарами одного из наиболее величественных политических фигур Европы - князя Отто фон Бисмарка."*⁴

Выбор Ито в пользу политической философии Бисмарка не был эмоциональным. В ту поездку в Европу он встречался и с другой выдающейся фигурой Европы и Британии XIX века - Уильямом Гладстоном. Тот начинал с сотрудничества с тори и, постепенно меняя свои убеждения, стал лидером лейбористов.

Эта "гибкость" в выборе курса, сочетание "консерватизма" с "либерализмом", когда это необходимо и полезно, не остались незамеченными. В апреле 1888 г. Окума был приглашен в состав кабинета министров, где стал министром иностранных дел. Газеты, противопоставляя "консерватизм" "либерализму", приветствовали появление в кабинете министров Окума Сигэнобу - приверженца "промежуточной" идеологии постепенной политической эволюции ("дзэнсинсюги" 漸進義)⁵

Конституции Мэйдзи, принятая 11 февраля 1889 г. была, несомненно, консервативной по сути, предоставив широкие права императору, а фактически высшей бюрократии. Но она же включала целый ряд элементов представительной демократии (выборность нижней палаты парламента, отсутствие у императора права на законотворчество с возможностью лишь принимать указы в период, когда парламента не функционирует, при условии, что эти указы должны быть утверждены парламентом и др.).

Однако сочетание того и другого, давало возможность произвольной интерпретации основного закона страны, что, в конечном счете, в конце 20-х и в течение 30-х годов позволило военным установить в стране режим, близкий к тоталитарному.

2. Послевоенный "консерватизм"

Послевоенная японская конституция, написанная в Штабе оккупационных войск заслуживает ярлыка "либеральной конституции". Но ее "консервативная" особенность в том, что она была принята как поправка к конституции 1889 г. Об этом говорилось в императорском декрете от 3 ноября 1946 г. "Преемственность" истории, политики, институтов, культуры - это "священная корова" японского политического и в первую очередь консервативного дискурса (логики).

Кризис 70-х годов ("четыре шока": отказ США от привязки доллара к золоту, нормализация американо-китайских отношений, резкое повышение цен на нефть,

³ Ёмиури, 31 декабря 1896 г.

⁴ McLaren, Walter Wallace. A Political History of Japan during the Meiji Era, 1867-1912. George Allen & Unwin. London 1916. P. 182

⁵ Асахи, 3 февраля 1888 г.

коррупционный скандал - дело "Локхид") инициировал дискуссию о необходимости "консервативной революции".⁶

Но речь шла скорее о обновлении образа ЛДП в связи с резко изменившимися внешними условиями. Эта "перестройка" касалась как экономического, так и политического курса консерваторов. Причем, если в 70-80-е гг. преобладали вопросы экономического управления, "дешевого правительства" и многое из идей Тэтчер и Рейгана, то с 90-х годов и особенно в новом веке стали преобладать политические вопросы: китайская и северокорейская угрозы, проблемы "извинений" за преступления в годы войны. Но это не мешало консерваторам, из которых особой "консервативностью" в годы своего первого срока правления отличался Абэ Синдзо, проявлять идеологическую гибкость. *"С самого начала разговоры о "консервативно революции" тех, кто связал себя с Сока гаккай, выглядят ужасно смешными. После вступления в должность Абэ незамедлительно нанес визит Икэда Дайсаку"*.⁷

Василий Элинархович Молодяков, доктор политических наук, профессор университета Такусёку (Токио, Япония), dottore68@mail.ru

АЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНСКИХ КОНСЕРВАТОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

(Тезисы доклада)

Внешняя политика, точнее внешнеполитическая стратегия японских консерваторов, безраздельно доминировавших и доминирующих в правящей элите страны на протяжении 150 лет, от консервативной революции *Мэйдзи исин* до наших дней, всегда имела ярко выраженную азиатскую ориентацию.

Представители какой бы группы, фракции или типа японских консерваторов (о типологии японского консерватизма см. подробнее мою статью «Лики японского консерватизма» в коллективной монографии «Япония: консервативный поворот») ни находились у власти или даже влияли на ее внешнюю политику, находясь в оппозиции, фокусом их внешнеполитической стратегии оставалась Азия, лидером которой они стремились видеть Японию.

«Ученичество» у Запада (Западная Европа и США), провозглашенное творцами и идеологами *Мэйдзи исин*, имело целью не вестернизацию Японии саму по себе, но ее модернизацию (единственной возможной моделью которой на тот момент была вестернизация) с целью вхождения на равных в «клуб великих держав». Признание «белыми» и христианскими странами равноправия с собой не-«белой» и не-христианской, но «модерной» страны должно было стать прецедентом колоссальной исторической важности.

Даже в качестве признанной «великой державы» (постоянный член Совета Лиги наций с 1919 г.) Япония не претендовала на активное участие в разрешении // урегулировании внутриевропейских или внутриамериканских споров или конфликтов, но выдвигала «доктрину Монро для Азии», известную также в качестве лозунга «Азия для азиатов». Это означало, что народы Азии (подразумевалось: включая колонии европейских стран и США) должны сами определять свою судьбу, в чем – подразумевалось – им окажет помощь Япония как наиболее сильная и «модерная» держава Азии. Поэтому в 1931-1933 гг. все группы японских консерваторов, от либералов до милитаристов, не просто одобрили переход экспансии на континенте в активную фазу («Маньчжурский инцидент»), но объявили его двусторонней проблемой в отношениях Японии и Китая, не признавая вмешательство третьих стран и даже самой Лиги наций.

---

⁶ Майнити, 7 декабря 1976 г.

⁷ Асахи, 19 февраля 2007 г.

До Второй мировой войны правящая элита Японии, политическая и деловая, почти не стремилась к захвату внешних рынков или источников полезных ископаемых за пределами Азии, но зато считала Азию своей вотчиной. Отношения Японии с европейскими державами строились прежде всего с учетом их азиатских владений (с Нидерландами Японию связывала только Голландская Индия – нынешняя Индонезия) и их политики в Азии. Такой подход был характерен не только для «азиатской фракции» МИД (типичные представители – Ёсидзава Кэнкити и Арита Хатино, ранее Муцу Мунэмицу и Хаяси Тадасу), но и для «европейско-американской», символом которой стала «дипломатия Сидэхара».

Первой попыткой вывести японскую внешнеполитическую стратегию за пределы Азии и придать ей хотя бы отчасти глобальный характер стали действия «фракции Оси» МИД во второй половине 1930-х годов, ориентированной на союз с Германией и Италией и на партнерство с СССР. Стремление вывести, хотя бы в перспективе, японскую политику за пределы Азии характерно для идеолога этой фракции Сиратори Тосио (см. сборник его статей на русском языке «Новое пробуждение Японии» и мою монографию «Эпоха борьбы. Сиратори Тосио – дипломат, политик, мыслитель»), однако на практике лидерство в ней перехватил Мацуока Ёсукэ, за «глобальными» заявлениями которого скрывалось все то же стремление к гегемонии в Азии, а сотрудничество с державами «Оси» и СССР должно было служить лишь для ее обеспечения.

После Второй мировой войны главными целями внешнеполитической стратегии японских консерваторов были нормализация отношений с «Западом» (дипломатия Ёсида) и СССР (дипломатия Хатояма), но в первую очередь для того, чтобы Япония получила возможность «вернуться в Азию» - пусть уж не как военно-политический лидер, но как экономический лидер и маяк для развития несоциалистических стран региона (дипломатия Киси). Дальнейшие усилия в этом направлении были связаны с нормализацией отношений с КНР – потенциально второй сильнейшей державой «собственно Азии», к тому же находившейся в условиях «холодной войны» в другом политическом лагере.

Линия на укрепление политического и военно-стратегического партнерства с США (от Ёсида и Киси до Накасонэ), выразившаяся в известной формулировке про «непотопляемый авианосец», также была сфокусирована на Азии. Даже став полноправным членом «семерки» и принимая участие в решении общемировых проблем (глобальное потепление, борьбы с терроризмом и т.д.), Япония в глазах ее правящей консервативной элиты остается прежде всего азиатской державой, хотя ее претензии на лидерство в регионе все увереннее и даже агрессивнее оспариваются Китаем. В этом ключ к пониманию таких внешнеполитических инициатив японских правительств, причем не только либерально-демократических, но и демократических (в период 2009-2012 гг.), как укрепление партнерства со странами АСЕАН, Индией, Вьетнамом, Мьянмой, в чем трудно не увидеть стремление «сбалансировать» экономическую экспансию Китая в Азии, которая неизбежно сопровождается укреплением его политических и стратегических позиций (военный аспект мы пока оставляем в стороне).

Азиатский вектор внешнеполитической стратегии остается доминирующим для всех групп японских консерваторов, будь то во власти или в оппозиции, а все остальные направления служат лишь для тактического обеспечения успеха на «направлении главного удара». Этим же фактором мотивируется позиция Японии в отношении «северокорейской проблемы» и ее действия в отношении России.

Консерватизм японской внешней политики в послевоенный период

Нелидов В.В. , научный сотрудник ЦЯИ ИВ РАН.

Определение консерватизма, как и любого термина в общественных науках, само по себе может послужить отдельным, и причем очень сложным исследовательским вопросом. Можно с полным правом утверждать, что «консерватизмов» много – хотя бы потому, что многочисленны политические, социальные и культурные условия, на фоне которых действуют политики, в отношении которых используется термин «консерватизм». Более того, даже самое общее определение консерватизма как идеологии и практики политики, нацеленной на сохранение роли традиционных институтов, элит, норм и ценностей⁸, вовсе не всегда оказывается адекватным тому контексту, в котором этот термин применяется. Наглядная иллюстрация тому – послевоенная Япония в период власти Либерал-демократической партии (ЛДП), которая в исторической и политологической науке зачастую называется консервативной партией, хотя и с серьезными оговорками. В своем докладе я хотел бы рассмотреть период непосредственно до и сразу после образования этой политической силы и сосредоточиться на том, насколько этот «консерватизм» – в каком бы смысле мы ни употребляли это слово – отразился во внешнеполитическом курсе находившихся тогда у власти в Японии сил.

Как известно, Япония вновь обрела суверенитет 28 апреля 1952 года, со вступлением в силу Сан-Францисского мирного договора. Еще до этого, 8 сентября 1951 года, в один день с Сан-Францисским договором, был подписан Договор безопасности с Соединенными Штатами. У власти тогда находилась Демократическая партия во главе с Ёсида Сигэру, который был автором знаменитой «Доктрины Ёсида», заключавшейся в том, что Япония должна сконцентрироваться на внутреннем развитии, делегировав задачу внешней обороны Соединенным Штатам.

Следует отметить, что эта ориентация правящих кругов на то, чтобы минимизировать расходы на оборону и вообще занимать возможно более пассивную позицию по вопросу развития собственного военного потенциала, в общем и целом, сохранялась на протяжении десятилетий и, в определенной степени, продолжает сохраняться и сегодня. Причем если первоначально она диктовалась скорее неготовностью тратить значительные материальные ресурсы на развитие военного потенциала и сложностью обхода ограничений, налагаемых 9 статьей конституции, то в дальнейшем, по мере того, как статус Японии в качестве «мирного государства» все больше и больше институционализировался, а к 9 статье добавлялись новые нормы, такие, как ограничение военных расходов одним процентом ВВП, запрет на экспорт вооружений, запрет на коллективную оборону и провозглашение «трех неядерных принципов». Все эти нормы не были закреплены непосредственно в конституции, но, тем не менее, стали важной частью нормативной базы японского государственного пацифизма.

В полной мере это выражается в отношении к вооруженным силам, которые были созданы еще в период оккупации как Резервный полицейский корпус, который позже был переименован в Национальные силы безопасности, а еще позже, в 1954 году превратился в Силы самообороны – то название, под которым японские вооруженные силы существуют до сих пор. Несмотря на то, что со временем Силы самообороны превратились в полноценные вооруженные силы, общим принципом, который направлял их развитие, особенно в первые годы и десятилетия их существования, было то, что, во-первых, они будут исключительно оборонительными, а во-вторых, что военный потенциал будет поддерживаться на минимально допустимом уровне. В этом, опять же, позиция Токио расходилась с требованиями Вашингтона, обвинявшего своих японских союзников в «безбилетном проезде», то есть нежелании справедливо компенсировать те блага, которые Япония получает благодаря союзу с США.

Ориентация на союз с США разделялась, в общем и целом, всеми политиками правой части политического спектра. Однако в 1950-х годах вопрос о том, какую именно роль Япония должна занимать в этом союзе, служил предметом споров. С одной стороны,

---

⁸ Muller, Jerry Z. (ed.) *Conservatism: An Anthology of Social and Political Thought From David Hume to the Present*. Princeton: Princeton University Press, 1997. P. 26.

Ёсида и его сторонники из Демократической партии выступали за то, чтобы максимально сохранить статус-кво, поскольку, по их мнению, он в наибольшей степени соответствовал интересам еще восстанавливавшейся после войны Японии. С другой стороны, политики из Либеральной партии, и, в частности, ставший премьером в 1957 году Киси Нобусукэ, поддерживали пересмотр условий договора 1951 года с тем, чтобы повысить роль Японии в этом союзе, тем более, что ряд условий – таких, как допустимость использования американских вооруженных сил для подавления внутренних беспорядков или отсутствие для Японии возможности влиять на использование размещенных на ее территории сил – считались подрывающими статус Японии как суверенной страны.

В полной мере эти противоречия проявились, когда, придя к власти, Киси поставил задачу пересмотра японо-американского договора безопасности, но мотивируя это не стремлением повысить независимость Японии в ее отношениях с США, но скорее наоборот, стремлением укрепить союз. При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что, если говорить о членах правящей ЛДП, а в более ранний период – ее партий-предшественниц, Либеральной и Демократической партий, то практически все принадлежавшие к ним политики, в принципе, выступали за союз с США, и, пожалуй, в этом смысле их внешнюю политику действительно можно назвать консервативной. При этом однозначно проамериканских позиций придерживались даже многие политики, в военный и предвоенный период занимавшие важные посты в государственном аппарате. Киси здесь, пожалуй, наиболее очевидный пример. В предвоенный период он был одной из главных фигур в правительстве марионеточного государства Манчжоу-го, и, во многом, жестокая эксплуатация населения этой территории – это результат планов экономического развития, разработанных лично Киси. Во время войны он входил в состав японского правительства и считался протеже Годзэ Хидэки. Другими словами, Киси до 1945 года – один из ключевых представителей японского милитаризма и империализма. Вполне естественно, что после войны он оказался в тюрьме Сугамо как военный преступник класса А. Тем не менее, благодаря начавшемуся «обратному курсу» американской оккупационной политики, а также благодаря его еще довоенным связям – еще тогда он завязал дружбу с американским послом Джозефом Грю – в 1948 году Киси был освобожден.

В результате, в 1950-х Киси оказался едва ли не самым проамерикански настроенным из всех крупных японских политиков. Ёсида вызывал раздражение американцев тем, что не спешил восстанавливать военный потенциал Японии и отменять 9 статью конституции, а пришедший ему на смену Хатояма Итиро оказался еще более неприемлемым из-за готовности пойти на переговоры с СССР и негласной поддержки торговли японских фирм с КНР. В результате, американский посол Джон Эллисон еще в 1954 году настаивал, что преемником Ёсида должен стать Киси, а когда в 1957 году тот наконец занял пост премьера, в Вашингтоне вздохнули с облегчением.

В июне 1957 года новый японский премьер посетил США, и оставил настолько хорошее впечатление, что Эйзенхауэр даже одобрил то, что ЦРУ будет поддерживать Киси и его сторонников финансово⁹. По этой же причине, поскольку Киси, которому окончательно забыли все его прошлые грехи, считался наиболее проамериканским из лидеров консервативного лагеря, США пошли на существенные уступки по вопросу о пересмотре японо-американского договора безопасности, новая версия которого была подписана 19 января 1960 года. Соединенные Штаты не стали требовать от Японии, чтобы она взяла на себя обязательство по защите американской территории, а также согласились с тем, что в сферу действия договора не будут включены находившиеся тогда под контролем США острова Рюкю и Бонин. И хотя планы Киси укрепить свои политические позиции за счет подписания этого договора не были реализованы (общественные протесты, сопровождавшие подписание и ратификацию договора, привели к настолько

⁹ Schaller, Michael. America's Favorite War Criminal: Kishi Nobusuke and the Transformation of U.S.-Japan Relations // Japan Policy Research Institute Working Paper No. 11: July 1995. URL: <http://www.jpri.org/publications/workingpapers/wp11.html> (дата обращения: 20.01.2018)

серьезному политическому кризису, что Киси вместе со всем своим кабинетом был вынужден уйти в отставку), но свою задачу для США и японо-американского союза он выполнил. Благодаря его усилиям союзный договор 1951 года, который изначально считался временной мерой, был заменен на новое соглашение, продолжающее действовать и по сей день, причем на весьма выгодных для Японии условиях.

Таким образом, мы видим, что уже к началу 1960-х годов сформировалась парадигма внешнеполитического курса, которая, пусть и в самых общих чертах, остается актуальной и сейчас. В каком-то смысле это и правда консервативная политика, но не в смысле традиции политического консерватизма в том смысле, в котором это слово употребляется на Западе, а скорее в другом, изначальноном значении этого слова. Уже в 1950-60-х годах японская внешняя политика была нацелена на то, чтобы сохранить и законсервировать, во-первых, позицию Японии в качестве «мирного государства», а во-вторых, ее статус в качестве союзника США. Разногласия относительно этих вопросов, изначально имевшиеся в рядах правящего лагеря, уже к концу 1950-х годов фактически сгладились. Становление этого внешнеполитического консенсуса можно ассоциировать как раз с образованием ЛДП в 1955 году и началом так называемой «системы 1955 года». И, по сути, те же самые два, условно говоря, консервативных лейтмотива мы можем видеть и в современном внешнеполитическом курсе Токио.

Вопросы обеспечения безопасности в повестке дня консерваторов

О.А. Добринская, научный сотрудник, к.и.н.

Вопросы обеспечения НБ занимают ключевое место в формировании повестки дня политических партий. После окончания Второй мировой войны к власти в Японии пришли консервативные силы, взгляды которых на политику обеспечения безопасности, можно разделить на два направления. Основное течение в ЛДП составляли сторонники прагматического курса (так называемая «школа Ёсида»), ставящие основной целью экономическое развитие, опору на союз с США при низком уровне собственных вооружений, ограниченную вовлеченность в международные дела. Второе направление - это либеральные реалисты, которые стремились к пересмотру пацифистской конституции и превращению Японии в государство с полноценной армией и активной внешней политикой.

После окончания «холодно войны» консервативная повестка дня по-прежнему осталась актуальной. В нее также были включены новые вопросы, связанные с интернационализацией политики безопасности. В центре дискуссий оказалась не только судьба союза с США, но и вопросы вклада Японии в обеспечение международной безопасности.

В целом позиции консерваторов по вопросу международной роли можно разделить на сторонников Японии как «средней державы» и Японии как «нормального государства». Сторонники Японии как «средней державы» считали, что Япония может стать «глобальной невоенной державой», вносящей вклад в решение проблем невоенной безопасности, при этом сохраняя опору на союз с США. Сторонники «нормального государства» призывали к снятию ограничений на деятельность силы самообороны с тем, что бы Япония могла использовать их в целях миротворчества

Тенденции последних лет позволяют говорить о доминировании повестки дня сторонников «нормальной» державы, обладающей полноценными вооруженными силами. В 2000-2010 е гг. в среде консерваторов большей популярностью стали пользоваться националистические настроения, а также наблюдается рост антикитайской риторики.

Премьер-министр С.Абэ пришел под лозунгом пересмотра отношения к истории, преодоления Японией «комплекса побежденного». Его программа направлена на снятие послевоенных ограничений на деятельность сил самообороны, повышение уровня

национального самосознания, превращения Японию в глобального лидера. Политика С.Абэ характеризуется, с одной стороны, возросшей националистической риторикой, которую он вынужден корректировать под влиянием международной реакции, с другой стороны, прагматизмом в отношении с важнейшими внешнеполитическими партнерами. С.Абэ также удалось провести в жизнь беспрецедентное количество решений в сфере безопасности, тем самым продолжив курс консерваторов на постепенное снятие ограничений в оборонной политике и усиление военной роли Японии.

«Перспективы японо-американских отношений в условиях консервативного поворота»

Крячкина Ю.А., научный сотрудник РИСИ

Приход в 2016 г. к власти в США Дональда Трампа некоторые исследователи охарактеризовали как проявление более широкого мирового феномена новой консервативной революции XXI в. При этом обращение Д. Трампа к базовым ценностям американской нации, зачастую в крайне популистских формах их выражения, и противоречивые заявления, обращенные во внешнеполитическую сферу, раскололи ряды консерваторов разного толка в США и серьезно насторожили союзников по всему миру. Но в совокупности с рядом подобных явлений, таких как «Брекзит» Великобритании, ощутимый подъём крайне правых и правопопулистских сил в различных странах ЕС, консервативная повестка дня в Турции, наконец политика «возрождения» и «нормализации» Японии, приход Д. Трампа во власть, действительно ознаменовал новый консервативный тренд в мировой политике.

Новый консервативный тренд оказывает влияние и на состояние японо-американских двусторонних отношений. Лозунги С. Абэ («Japan is back») и Д. Трампа («Make America Great Again») ввиду своей схожести не могут не войти в определенное противоречие, как в экономике, так и в политике. Приход Д. Трампа к власти ознаменовал новый этап в японо-американских отношениях. В Токио и без того не первый год существуют определенные опасения относительно желаний и возможностей США защищать своих союзников в Азии. Противоречивая риторика нынешнего американского президента создает дополнительную почву для сомнений. Наиболее ярко несогласованность действий и заявлений администрации Д. Трампа проявилась на примере предвыборных заявлений в отношении южнокорейских и японских союзников о необходимости большего их материального вклада в свою безопасность, о возможности предоставить Токио и Сеулу «свободу рук» в вопросе защиты от ядерной угрозы со стороны КНДР. Состоявшиеся же в начале 2017 г. визиты высших официальных лиц США (министра обороны Д. Мэттиса и госсекретаря Р. Тиллерсона) в Японию и Южную Корею были наполнены противоположными заявлениями о «лучших примерах союзников» и заверениями о нерушимости и укреплении данных союзов на фоне растущей северокорейской угрозы.

Постоянное обращение к теме угрозы со стороны КНДР действительно продолжает оставаться одним из важнейших факторов поддержания и укрепления сотрудничества в рамках японо-американского военно-политического альянса. На фоне непрекращающихся ракетно-ядерных испытаний Пхеньяна растет решимость Токио в укреплении своей обороноспособности за счет закупки американских вооружений, что соответствует и интересам Вашингтона. В частности, в результате очередного обострения ситуации в начале сентября 2017 г. премьер-министр Японии Синдзо Абэ заявил о необходимости

укреплять и наращивать потенциал ПРО посредством закупки у США двух комплексов наземной системы ПРО Aegis Ashore.

Вместе с тем, явно усложнились отношения Японии и США в сфере торгово-экономических отношений на фоне усиления протекционистских настроений. Решение Д. Трампа о выходе США из Транстихоокеанского партнерства серьезно ударило, в том числе, по внутривнутриполитическим позициям С. Абэ, который приложил значительные усилия для вхождения Японии в указанное соглашение. Дальнейшие же усилия Токио по заключению соглашения в формате ТТП-11 без участия Соединенных Штатов показали углубляющееся расхождение интересов двух стран в экономической сфере. Кроме того, давление на Токио со стороны Вашингтона с целью создания двусторонней зоны свободной торговли может еще больше осложнить отношения государств. Аналогичная ситуация во многом наблюдалась и в период господства консервативных тенденций в 1980-е гг.

Идеология пожизненного найма и ее влияние на современное японское общество (Лебедева И.П., д.э.н., главный научный сотрудник ЦЯИ ИВ РАН)

Система управления японских компаний, получившая известность как система пожизненного найма, формировалась в течение нескольких десятилетий, путем проб и ошибок, в ходе подчас довольно жесткого противостояния между работниками и менеджментом, и к концу 1960-х годов стала основной формой управления трудом в японских компаниях.

Она была основана на использовании базовых элементов национальной культуры и психологии (таких, как патернализм, коллективизм, эгалитарное сознание, стремление к консенсусу и *ва* (гармонии), предпочтение долговременных отношений, принцип старшинства и т.д.). Благодаря этому она не только воспринималась работниками как разумная и справедливая, но и стала основой, на которой и вокруг которой формировались система ценностей и образ жизни нескольких послевоенных поколений.

Это позволяет говорить о том, что пожизненный найм – это не только система управления трудом японских компаний, но и своего рода идеология консервативного толка, опирающаяся на традиционные ценности общества.

В сжатом виде эту систему можно охарактеризовать следующим образом.

1. Под пожизненным наймом имеется в виду найм работников на длительный срок, а именно до наступления так называемого предельного возраста пребывания в компании (60 лет). Наряду с долговременной занятостью работникам гарантировались доступ к системе внутрифирменного обучения и повышения квалификации, карьерный рост и повышение заработной платы по мере увеличения стажа работы.

2. Вплоть до принятия в 1986 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу, запретившего любую форму дискриминации в этой области по признаку пола, пожизненный найм распространялся почти исключительно на работников-мужчин. При этом компании предпочитали нанимать только «свежих» (не «испорченных» опытом работы в другой фирме) выпускников школ и университетов.

3. Предоставление работникам гарантий долговременной занятости предполагало их готовность взять на себя целый ряд дополнительных обязательств (согласие на продолжительный рабочий день и сверхурочные, на участие на безвозмездной основе в работе рационализаторских кружков, на укороченный отпуск, на ротацию с переводом в другой город и т.д.).

4. В наиболее полном виде система пожизненного найма применялась в крупных частных компаниях и государственных учреждениях. Но ее влияние распространялось далеко за пределы области ее прямого применения, так как даже мелкие предприятия, не

говоря уже о средних фирмах, для удержания нужных работников использовали те или иные ее элементы.

Можно выделить пять направлений воздействия этой системы на ценностные ориентиры японского общества.

1. Поскольку система пожизненного найма распространялась почти исключительно на работников-мужчин, она способствовала закреплению за ними роли добытчиков средств, кормильцев семьи, а, следовательно – и упрочению их главенствующего положения в семье и обществе.

2. Поскольку предоставляемые работникам гарантии долговременной занятости предполагали их готовность полностью подчинить свою жизнь работе, система пожизненного найма способствовала закреплению гендерного разделения ролей в семье (по принципу «муж – на работе, жена – дома»).

3. Под влиянием пожизненного найма произошло значительное повышение престижа образования в японском обществе: чем престижнее было учебное заведение, тем выше были шансы у его выпускников устроиться в известную, крупную фирму.

4. Система пожизненного найма оказала сильное влияние на формирование ценностных ориентиров японской молодежи, предложив ей в качестве модели жизненного успеха карьеру *сараримана* (постоянного работника крупной компании или государственного учреждения), для чего нужно было закончить один из престижных университетов, а до этого успешно пройти через «экзаменационный ад», проявляя упорство и усердие.

5. Система пожизненного найма сыграла важную роль в формировании в Японии «общества среднего класса». Такие ее элементы, как придание рядовым работникам высокого статуса, стремление менеджмента сгладить различия в положении белых и синих воротничков, акцент при определении карьерного роста на оценке личных качеств работника и т. д., способствовали стиранию горизонтальных социальных перегородок. А быстрый рост доходов создал материальную основу для формирования «общества среднего класса».

Хотя за последние четверть века в экономике и обществе произошли огромные изменения, идеология пожизненного найма продолжает оказывать влияние на самые разные стороны жизни японского общества и демонстрирует удивительную живучесть.

Так, под влиянием пожизненного найма в Японии образовался глубокий водораздел между положением и социальным статусом постоянных и непостоянных работников. Статус постоянного работника, с его гарантиями долговременной занятости, продвижения по службе и повышения заработной платы, воспринимается как несомненная ценность, а статус непостоянного работника – как нечто второсортное. Между тем под влиянием целого комплекса факторов за последние 25 лет в Японии произошел резкий – почти двукратный – рост доли непостоянных работников в общем числе занятых (до 38 %), а их численность достигла почти 20 млн.

Особенно остро эта проблема проявляет себя в молодежном сегменте рынка труда. Среди молодых людей в возрасте от 15 до 34 лет не имеет постоянной работы более 1/3 (почти 34% или 5,2 млн.). Особенно заметно возросла доля непостоянных работников среди молодежи в возрасте от 20 до 24 лет – среди юношей она составляет около 40%, а среди девушек 45 %.

Поскольку до сих пор идеальной карьерой для мужчины считается карьера *сараримана*, прямым следствием увеличения доли непостоянных работников среди молодых японцев стал рост безбрачия. В возрасте 25-29 лет в браке не состоят 72% мужчин, в возрасте 30-34 года – 47 %.

Идеология пожизненного найма продолжает оказывать сильное влияние на положение японских женщин. Во всех возрастных когортах доля непостоянных работников среди них заметно выше, чем среди мужчин. Те, кто смог получить постоянную работу, также оказываются в неравном положении с мужчинами. Если

юноши нанимаются компаниями в основном для выполнения так называемой *согосёку* (общей работы), предусматривающей карьерный рост, ротацию, высокую зарплату, то большинство (80%) девушек заняты так называемой *иппансёку* (обычной работой), т.е. разного рода вспомогательной офисной работой, которая оплачивается ниже и не предусматривает карьерного роста.

По сути, мало что изменилось и в положении женщин в семье. В прошлом осталась практика ухода японок с работы сразу после замужества, но абсолютное большинство из них оставляет работу после рождения ребенка. Возвращение на рынок труда по прошествии нескольких лет возможно для них уже лишь в статусе непостоянного работника.

В то же время растет уровень образования японских женщин и доля тех, кто стремится сделать карьеру в качестве постоянного работника. Это ставит их перед нелегким выбором – либо замужество и дети, либо карьера. Компромиссный вариант – позднее замужество и либо вообще отказ от рождения детей, либо перенос этих событий на более поздние сроки. В возрасте 25-29 лет в браке не состоят 60,3% японок, в возрасте 30-34 года – 34,5%.

Проблемы, с которыми молодые японки сталкиваются и на рынке труда, и на работе, привели к росту среди них доли тех, кто придерживается традиционных взглядов на роль женщины.

Система пожизненного найма продолжает существовать, но стремясь приспособиться к изменениям в окружающей среде, становится менее жесткой, более гибкой. Но навязанные ею нормы и представления оказались гораздо менее подвижны, чем сама эта система, и за приверженность им японское общество платит довольно высокую цену.

«Прогрессивный консерватизм» - в современных направлениях социально-экономической стратегии Японии

Тимонина И.Л., д.э.н., профессор,
Институт стран Азии и Африки, Институт востоковедения РАН, МГИМО(У) МИД РФ, РАНХ и ГС

Понятие «консерватизм» относится, как известно, прежде всего, к сфере философских и политических наук, и использование его в экономическом контексте возможно с определенной долей условности. В данном случае, как представляется, консерватизм несет в себе элементы традиционализма и наоборот. Консерватизмом обычно называют политическую философию, обо-значающую стремление к сохранению того, что считается лучшим в об-ществе с устоявшимися традициями, и выступающую против радикальных перемен¹⁰.

Другое определение представляет консерватизм в том числе как «совокупность разнородных идейно-политических и культурных течений, опирающихся на идею традиции и преемственности в социальной и куль-турной жизни»¹¹. Еще в одном определении акцент делается на том, что консерватизм — идейное течение, настаивающее на постепенности изменения общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций и консерватизм является не теорией (даже в ослабленном смысле этого слова), а особым стилем, или

¹⁰ Политика. Толковый словарь. — М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. 2001 (<http://dic.academic.ru/dic.nsf/politology/81>)

¹¹ Политическая наука: Словарь-справочник. сост. проф. пол. наук Санжаревский И.И..2010

способом, размышления о социальных проблемах, в рамках которого существуют разные, нередко остро полемизирующие друг с другом конкретные социальные теории¹².

Опираясь на приведенные выше определения и экстраполируя их на экономический контекст, можно предположить, что даже в современной и во многом инновационной экономической стратегии Японии содержатся элементы консервативного и традиционалистского подхода.

Для анализа обратимся к двум направлениям современной экономической стратегии Японии, которые стали и направлениями политики – создание инфраструктуры, стимулирование креативных отраслей. Попытаемся выяснить, насколько данным направлениям политики присущи такие элементы консервативного подхода как «сохранение того, что считается лучшим в обществе с устоявшимися традициями», «защита традиционных устоев общественной жизни, незыблемость ценностей, приверженность стабильности и упорядоченности», «постепенность изменения общества с учетом устоявшихся, оправдавших себя во времени органических коллективных ценностей и традиций», избирательность ориентации на прошлое, примат социального над индивидуальным

Превращение **инфраструктуры** из обслуживающей, вспомогательной сферы деятельности в один из драйверов экономического роста стало одним из наиболее заметных трендов в современной мировой экономике. Строительство и совершенствование инфраструктуры, стимулирование инфраструктурных инвестиций приобрели особую значимость в системе приоритетов государственной экономической политики многих стран. Национальная инфраструктура традиционно была зоной ответственности правительств, поэтому неудивительно, что данное направление государственной политики наряду со всевозможными новациями несет в себе и «налет» традиционализма и, возможно, консерватизма.

В современной инфраструктурной политике японского правительства и бизнеса мы, безусловно, находим «стремление к сохранению того, что считается лучшим в обществе с устоявшимися традициями ...». Стремление опираться на традицию декларируется в правительственных документах в достаточно очевидной форме. Например, Белая книга Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма за 2013 год начинается с полноценного исторического раздела и изобилует отсылками к прошлому опыту. Следует заметить, что апелляции к прошлому опыту присутствуют не в каждом ежегоднике. Можно предположить, что в настоящее время в условиях вынужденного сокращения бюджетных ассигнований на общественные работы, и перевода финансирования инфраструктурной политики и управления объектами общественного капитала на рыночные механизмы, что означает расширения круга субъектов этой политики, правительство (конкретно – Министерство земель) акцентировать внимание на том, что создание и поддержание инфраструктура – это традиционно, с давних времен общенациональная задача.

Опора «на идею традиции и преемственности» также просматривается в постановке целей и задач инфраструктурной политики. В частности, концепция «гибридной» экономики, опирающейся на внутренний и внешний спрос – это явно возвращение на новом этапе к идеям плана Маэкава 1980-х гг., однако в обновленном виде. Если в 1980-е гг. идея расширения внутреннего рынка за счет массивных инвестиций в инфраструктурные «большие проекты» предлагалась в условиях относительного переизбытка финансовых ресурсов (экономика «мыльного пузыря») в частном секторе и достаточного уровня финансовой состоятельности правительства, то современная стратегия модернизации инфраструктуры должна реализовываться в ситуации вялого экономического роста, значительного бюджетного дефицита и

¹² Философия: Энциклопедический словарь. — М.: Гардарики. Под редакцией А.А. Ивина.

2004. (http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/552/%D0%9A%D0%9E%D0%9D%D0%A1%D0%95%D0%A0%D0%92%D0%90%D0%98%D0%97%D0%9C)

необходимости поиска новых ниш на мировом рынке, а именно рынке инфраструктурных систем.

Что касается осторожного отношения к «радикальным переменам», то оно в большинстве случаев присуще всем направлениям экономической политики японского правительства. И инфраструктурная политика – не исключение. Например, система среднесрочного планирования строительства инфраструктурных объектов просуществовала с 1954 до 2003 г., т.е. почти 50 лет, и была изменена лишь по необходимости, главным образом, из-за финансовых затруднений.

«Отрицание новаций» как один из атрибутов консерватизма вряд ли является отличительной чертой политики в области инфраструктуры. Так, приглашение иностранного бизнеса к участию в строительстве и восстановлении инфраструктурных объектов после природно-техногенной катастрофы 2011 г. – это новый механизм в реализации планов инфраструктурного строительства. Экспорт инфраструктурных систем и решений также относительно новое направление внешнеэкономической активности японского бизнеса, хотя при осуществлении подобных зарубежных операций японские компании, конечно, опираются на опыт строительства предприятий «под ключ».

Стимулирование экспорта инфраструктурных проектов является одним из направлений экономической политики правительства и опирается на многократно опробованный арсенал средств и методов своих компаний – от предоставления кредитов по линии официальной помощи развитию странам, где японские компании предполагают соорудить тот или иной объект, до льготных кредитов самим компаниям. Интересно отметить, что в одном из своих выступлений премьер-министр С. Абэ предложил себя в качестве «продавца инфраструктурных систем» за рубеж, сославшись при этом на случай, когда один из его предшественников премьер-министр Икэда в 1962 г. во время своего визита в Париж был назван Ш. Де Голлем «продавцом транзисторов».

«Постепенность изменений», избирательность в ориентации на прошлое – эти черты консервативного мышления и традиционного способа действий, как представляется, присущи политике правительства в области инфраструктуры. Мы не найдем ни одного подхода в современной политике, который бы буквально копировал прошлый опыт. И любой плановый документ, любая стратегия начинается с анализа современной ситуации в экономике Японии, в японском обществе, в мире с акцентом на происходящие изменения.

Что касается «примата...социального над индивидуальным», то в случае с инфраструктурной политикой эта черта консервативного подхода присутствует на «законных основаниях», поскольку инфраструктура, по сути своей, общественный актив, и ее использование является общественным благом. Поэтому расширение круга не только пользователей, но и субъектов сооружения и эксплуатации инфраструктурных объектов, что явно просматривается в современной концепции, рассматриваемой нами политики, вполне закономерно.

Еще одним из наиболее динамичных секторов мировой экономики, одним из ее драйверов в условиях очевидного замедления темпов роста считается **креативный сектор**.

В Японии развитие креативных отраслей является важной частью национальной экономической стратегии и экономической политики правительства, креативные отрасли становятся все более привлекательной сферой предпринимательства.

Приоритетными из числа креативных отраслей в рамках задач стратегии «Cool Japan», которая и нацелена на стимулирование креативных отраслей, были названы: мода, анимэ, кухня, производство особых региональных продуктов (например, кисточки из Кумано, изготавливаемые по уникальной местной технологии), туризм (например, туры с посещением «электронного рая» Акихабара).

Периодически этот список несколько видоизменялся, конкретизировался, но критерии выбора приоритетных креативных отраслей оставались, по нашему мнению, неизменными. В основном это отрасли и сферы деятельности, которые создают сугубо

национальный контент, независимо от того, основан он на традиционных культурных ценностях или современных достижениях. Здесь явно просматривается принцип «избирательности в ориентации на прошлое» и опора «на идею традиции и преемственности», «стремление к сохранению того, что считается лучшим в обществе с устоявшимися традициями ...». но мы не найдем «отрицания новаций». Наоборот, идя в авангарде цифровой революции в Японии используют новые технологии, создавая уникальный креативный продукт. Примером может служить 2.5 Dimensional Theatre с эффектом 3 Д – вид театральных презентаций на основе японской манга, популярной анимации и видеоигр, технологической основой которого являются цифровые технологии и коммуникационные платформы.

Важно также отметить, что развитие креативных отраслей в Японии опирается на уникальные региональные продукты, и здесь явно просматривается связь с движением «одна деревня – один продукт», которое развернулось в Японии еще в 1980-е годы, что также отражает опору на традиции и преемственность.

Таким образом, рассмотренные нами примеры позволяют предполагать, что даже современная инфраструктурная политика и стратегия развития креативного сектора содержат в себе элементы здорового, «прогрессивного» консерватизма и традиционализма, которые используются весьма прагматически и вряд ли станут тормозом на пути реализации целей данных направлений экономической политики.

Миикэ Такаси: «Я предпочитаю консервативность новациям».

Катасонова Е.Л., д.и.н., руководитель ЦЯИ ИВ РАН

Такаси Миикэ – культовый японский кинорежиссер, наверное, - самая загадочная, эпатажная и непредсказуемая фигура в современном японском кино. «Клинок бессмертного» (Мугэн-но дзюнин, 2017) – это 100-й по счету фильм Миикэ, который изобилует смертельными схватками на мечах, жестокими сражениями и бесконечными человеческими смертями. На протяжении двух с половиной часов с экрана брызжет кровь, и летят в разные стороны порубленные тела. На первый взгляд, «Клинок бессмертного» можно отнести традиционному историческому жанру *дзидайгэки*, а, точнее, к его самому популярному поджанру – *тямбара*, так любимому в Японии и за ее пределами из-за обилия захватывающих поединков на мечах. Такие фильмы у нас принято называть самурайскими боевиками. Но, скорее, в данном случае речь идет о стилизации под *тямбара*, поскольку, как всегда у Миикэ, здесь присутствует и приключения, и мистика, и драма, и много другое, не укладывающееся в привычные рамки классического жанра, не говоря уже о том, что сама лента снята по мотивам известной манга. Да и сам главный герой – Мандзи, роль которого исполнил харизматичный актер Кимура Такуя, вроде бы, далеко не новичок на японских экранах. Обедневший самурай - *ронин*, неистовый вояка и невероятный храбрец, похоже, из плеяды тех, кого в свое время воспел в своих фильмах великий Куросава. Но это – Миикэ. и с его героем дело обстоит не столь однозначно. Главное в его поступках не стоицизм одиночки, как у Куросава, и не борьба добра и зла, хотя эти темы тоже присутствуют в сюжете, а поиски покаяния за бессмысленные убийства других людей.

И это далеко не единственная лента в фильмографии мастера, которая воспекает самурайскую героиню и японское средневековье в современной трактовке. В основном это ремейки японской классики, такие, к примеру, как знаменита картина «13 убийц»

(Дзюсаннин-но сикаку, 2010), ремейк одноименного фильма 1963 г., снятого культовым режиссером Кудо Эйити. Экзотический боевик, рассказывающий о тайной миссии команды из 13 бойцов, искусно владеющих искусством фехтования и посланных убить злого правителя. Другой популярный «самурайский» фильм Миикэ последних лет – почему-то названный у нас в прокате «Харакири», хотя его японское название – «Одна жизнь» (Итимэй, 2011). И это пояснение существенно, так как Миикэ создал ремейк классического самурайского фильма Кобаяси Масаки 1962 г. как раз называвшийся «Харакири» (Сэппуку). Более 50 лет тому назад он участвовал в Каннском фестивале и получил тогда специальный приз жюри. Лента интересна и сегодня, причем сразу же по нескольким причинам. Во-первых, это – мощный завораживающий фильм о месте и роли мужчины в обществе, о мужской гордости и самопожертвовании. А, с другой, пример художественного минимализма в кино, классиком которого являлся Кобаяси. В его работе нет лишних декораций, игры света и тени, пафосной музыки и лишних слов. Но каждый жест, каждое изменение мимики и даже взгляда актеров имеет свою причину и свой смысл. И это все позаимствовал Миикэ в своей картине. Правда, в новой аранжировке старого сюжета режиссер существенно сместил исторические и смысловые акценты, превратив черно-белое эпическое повествование Кобаяси в типичное артхаусное кино. Если в старой ленте бедные, но гордые самураи еще хранят представления о воинской чести, в то время, как забывшая о настоящей борьбе приближенная к правителю свита оказывается группой лицемеров, и автор по существу ставит перед зрителем почти шекспировский вопрос о том, что такое доблесть, то у Миикэ во главу угла поставлена другая мысль. Согласно его новому прочтению дело здесь уже не в ритуалах и не традициях воинского сословия, а в простом человеческом сострадании, о котором просто забыли представители богатого самурайского клана. «Удивительно наблюдать эту метаморфозу: циничный Миикэ стал сентиментальным и подался в гуманисты. Или просто знает, как правильно воздействовать на зрителя, какие душевные струны дернуть, - отмечают критики¹³. Вопреки привычным ожиданиям в фильме нет и излишней жестокости, кровавые сцены остались за кадром. И еще одно новшество, к которому прибегает талантливый режиссер, – картина стала объемной при помощи использования новых технологий, что позволило ей стать первым 3D-фильмом, отобранном для показа в главной конкурсной программе Каннского кинофестиваля.

Миикэ любит снимать исторические боевики, вернее, их ремейки. И, наверное, самым ярким из них стала картина «Сукияки Вестерн Джанго» (Сукияки уэсутан Джанго, 2007), остроумная пародия на итальянские спагетти-вестерны, сохранившая все классические каноны жанра. А каноны здесь просты: в вестерне должны присутствовать золото, индейцы, дуэли на револьверах, шерифы, ковбои, стрельба из двух рук и т.д. Но фильм не был бы японским без катана, кодекса самурайской чести, философских разговоров под цветущей сакурой и т.д. Но как совместить несовместимое? Миикэ нашел простой выход: в роли ковбоев он снял японских артистов, которые управляются с револьверами не хуже своих американских коллег и вдобавок не менее искусно орудуют и мечами, и заставил их говорить по-английски.

Классический исторический сюжет, повествующий о войне кланов Гэндзи и Хэйкэ, также претерпел заметную корректировку. Клан Гэндзи стал называться у Миикэ красными, а Хэйкэ – белыми, но вражда между ними по-прежнему продолжается, меняются лишь их нравы и внешний вид. Предводитель белых помимо револьвера и катана теперь носит пирсинг, экстравагантную прическу, но по-прежнему почитает кодекс Бусидо. А главарь красных помешан на Шекспире и просит называть его Генрихом, победителем в войне белой и алой розы. И вот в разгар этого противостояния охваченном золотой лихорадкой городке, за который и разворачивается борьба между красными и

белыми, появляется бродяга-стрелок и предлагает свою помощь каждой из воюющих сторон, что в итоге заканчивается истреблением обеих.

А далее в сюжетную канву ленты вплетаются история кровной мести, появляются женщины, распускаются розы, происходит масса абсурдных коллизий, сменяются один за другим brutальные и комические герои, звучат пафосные речи, разворачиваются жесткие драки, смертельные перестрелки, взрывы, погоня и т.д. Здесь и шериф, который, судя по всему, страдает раздвоением личности, и кровавая Бентон, которая, несмотря на свой почтенный возраст, все еще может впасть в буйство и обернуться восьмирукой богиней с револьвером.

И, конечно же, нельзя не вспомнить Квентина Тарантино, сыгравшего эпизодическую, но очень колоритную роль старика в инвалидной коляске. И не только эти эпизоды связаны с Тарантино: невидимое присутствие на экране знаменитого американца чувствуется во всем, начиная с монтажа фильма и кончая его любимым черным юмором, а отдельные эпизоды японского фильма и просто напоминают то «Убить Билла», то «Бешеных псов», и это неслучайно. В «Бешеных псах», к примеру, Тарантино также активно использовал эпизоды оригинального «Джанго», а «Убить Билла» - это вообще «японизированный» фильм для американского зрителя. Наверное, именно поэтому за фильмом «Сукияки Вестерн Джанго» закрепилось ироничное название «Суши - вестерн от тандема Тарантино-Миикэ» или же «Убить Билла по-японски».

Так радикально Миикэ порой переосмысливает старые классические сюжеты, старательно избегая стереотипов, но оставаясь во многом верен японской традиции. При этом сам он однажды откровенно признался: «Мне нравятся традиционные боевики, - говорит Миикэ. И предпочитаю консервативность новациям. Мне нравится находить новое в вещах, которые обычно никого не интересуют только из-за своей консервативности»¹⁴.

Жестокий самурайский романс. Татьяна Алечишева о фильме «Харакири». Коммерсант The Cruel Samurai Romance. Tatiana Alesicheva about the Film «Harakiri». Kommersant. Week End.22/06/2012. [URL:http://www.kommersant.ru/doc/1957780](http://www.kommersant.ru/doc/1957780). (accessed 18.02.2018).

---

¹⁴ Рецензия на фильм «братство якудзы: Война кланов/ «Agitator» b-movies.ru/?p=7265.